

Виктор Коврижных /с. Старобачаты/

ПРЕДЗИМЬЕ

А в деревне опять молодая зима
правит праздником, жизнью и волей.
Нынче колют свиней и встречает с холма
тёрпкий запах дымов и подворий.

Словно время моё покатилося назад
вдоль румяных домов и заплотов.
Под навесами лампы пальные гудят,
как заоблачный гул самолётов.

...Завалили свинью на приземистый стол,
дикий вопль заметался под крышей,
узкий нож безошибочно сердце нашёл,
дух с дымящимся лезвием вышел.

Дым палёной щетины синеет в щелях,
дышит инеем сумрак оконца.
Кровь очнётся и вспомнит себя в именах
озарённых языческим солнцем.

Гулко цепи звенят и скрипят ворота;
чует мясо собака утробой:
дрожь истомы — волной от ушей до хвоста,
и язык, словно пламя озноба!

Ритуально хозяин сдирает нагар —
точность рук и наследственный опыт.
Из распахнутой туши — клубящийся пар
и Велеса оттаявший ропот.

Шёпот жёлтых страниц — у хозяйки слова,
ей хозяин отвечает хмуро.
Смотрит в небо из снега свињи голова
сквозь глаза деревянного Чура.

Тёмный смысл совпадает со всей суетой.
В доме жарко натоплена печка...
Вот и мясо на крючьях висит в кладовой
и янтарная желчь над крылечком.

Свежина на столе! Тёртой редьки куржак,
млеют грузди под шапкой сметаны.
В запотевшей бутылки мерцает первак
и гремят нетерпеньем стаканы!

За здоровье хозяев, достаток, уют,
чтобы рожь не сгубили морозы!..
И старинную песню по-русски споют,
утирая украдкой слёзы...

ИЛЮХИНСКИЙ ПЛЁС

Старые ивы сомкнули
кроны над тихой водой.
Здесь мне в начале июля
встретился мальчик с удой

В длинной рубахе холщовой
шёл он по краю реки,
странный, как житель чащобы,
стыли в глазах сквозняки.

Он поравнялся со мною,
жалобный выронив стон.
За тальниковой стеною
дымкой рассеялся он...

Давнюю повесть утраты
слышал ещё от отца,
как утонули два брата,
дети Ильи-кузнеца.

В майскую пору разлива,
лет девяносто назад
младший сорвался с обрыва,
старший спасал его брат.

В дом не вернулись дети...
До полуночной поры
шарили в омутах сети,
дно бороздили багры.

Младший был выловлен в пойме
в донных кустах ивняка.
Старший — не найден, не пойман, —
спрятала тело река.

Он это! Он с удилицем
ходит по краю реки!..
Младшего братика ищет —
так говорят старики.

Давняя грустная повесть,
тихий Илюхинский плёс.
Травы, склонённые в пояс,
всхлипы тележных колёс.

Ивы зелёное пламя,
купола зябкая медь...
Родина, как в твою память
сладко и больно смотреть...

НОЧЬ ГОГОЛЯ

Смотрел на свечу и бумагу,
как воск на подсвечник течёт...
И вот из глухого оврага
явился с чернильницей чёрт.
Но следом торжественно-строго
Надмирный прорезался Свет,
который горит раз в сто лет,
чтоб сердцем прозреть перед Богом.
Но смысл и значенье Знаменья
в душе уместались едва.
Он Свет, что был дан во спасенье,
дрожа, переплавил в слова
восторга, печали и гнева...
И чёрт, осознавши сюжет,
не загораживал неба,
чтоб виден был Божеский Свет.
Задумались травы и реки,
и всадник над степью взлетел,
и подняв набрякшие веки,
вгляделся в грядущий предел.
Вздыхал за деревьями ветер
из горьких полынных теней.

— Что видишь ты там, за столетьем?

— Я смерти не вижу своей...

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

За Токовой, за Чухтинским болотом —
хвойное небо в сырой полумгле.

Там обитает кудесник Могота
с тайной последней на этой земле.

Странный и жуткий, живёт нелюдимо,
веды и клады скрывает в лесах.

Очи напитаны горечью дыма,
брезжат в тени его холод и страх.

— Где ж эта даль, что меня будоражит,
сладкою болью томится в груди?

Жители молча на север укажут,
тихо добавят: «Туда не ходи...»

Словно я вышел из времени круга —
голос зелёный за березняком,
в зное густом перелеска и луга
взоры полуднищу прошивают сквозняком.

Тайна судьбы или вещая птица
в зарослях диких, где плачет вода?

Имя своё обретя, растворится,
и не вернётся уже никогда.

Что ж я гляжу в деревенскую память,
сердце неволя, печала глаза?..
Тихое тайны колеблется пламя,
блики и тени сквозят в образа...

ЯЗЫЧНИК

1

Живёт в селе. Пасёт коров.
Травую лечит.
И заговаривает кровь
невнятной речью.

Пошепчет, пальцем проведёт —
уйдут болезни!
Благодарит его народ:
колдун полезный.

...Была гроза. Посыпал град.
Струхнул немного.
Ударил молнии разряд
перед ним в дорогу.

То ль происк неких тёмных сил,
то ль дух небесный? —
Вознёс и плавно опустил
на новом месте.

Пришёл в себя он: жив, здоров,
а за спиною —
всё стадо в семьдесят голов,
хвосты — трубою!

И рядом конь его — живой!
Нисколь не битый,
тряс беспокойно головой
и ржал сердито.

И даже верный старый пёс
(без родословной)
скулил и в травы прятал нос,
боялся словно.

Куда его забросил рок,
в края какие? —
Глухие дали и лесок,
луга глухие.

Обшарил взглядом окоём,
вдохнул с досадой.
На дальний холм с березняком
направил стадо.

Затем на следующий холм
брели с надеждой...
Сгустились сумерки в глухом
краю нездешнем.

Остановились близ кустов
на ночевую.
Он молоко сдоил с коров
в траву сырую.

Устала сдаивать рука,
а в сердце стужа —
дымилась лужа молока,
как белый ужас.

Вздохнула в сумерках гроза,
и в травах белых
ослепший смысл искал глаза
в иных пределах.

И снова в путь, лишь рассвело...
И за горою
внезапно вышли на село,
село чужое.

Спросил у жителей села
координаты.
В соседней области была
родная хата.

И побледнел пастух, как снег,
узнав, что брошен
в далёкий край, назад в четверг
недели прошлой.

«Спасибо, что не вглубь веков» —
так отозвались.
И подоить его коров
не отказались.

«Ступай, — сказали, — на восток.
Дойдёшь в неделю».
Еды насыпали в мешок
и дали денег.

И снова стадо мирно шло
к желанной цели...
Вернулись странники в село
спустя неделю.

Родные избы вдоль реки
и палисады!
Как паровозные гудки
взревело стадо!

Он шёл и плакал вдоль дворов
от умиленья.
Хозяйки встретили коров
без удивленья.

Никто — где был? — не спросил.
Казалось, будто
своё он стадо проводил
сегодня утром!..

Он взор свой к небу обращал —
поведать знаний.
Но Тот, Кто ведал, иль молчал,
иль делом занят.

Потом за Лысою горой
смотрел на поле,
где правит автором герой
помимо воли.

2

На выпасах, у Диких скал,
в краю озёрном
обломок дерева торчал
сухой и чёрный.

Сражённый молнией шальной —
сосны огромной —
застыл обломок тишиной
судьбы и грома...

Стоял пастух и прозревал
пред чёрной скорбью.
Затем из древа вырубал
своё подобье.

Он топором лицо исторг
и торс корявый.
Упали сумерки в простор
и смолкли травы.

Нераспустившихся цветов
глаза открылись.
Костры языческих веков
словам приснились.

Вздохнул тревожно тёмный лес
и снова замер.
Взглянул на идола Велес
цветов глазами.

Потух лицом пастух. Потом
исчадью ночи
помазал губы молоком
и кровью — очи.

Окликнул зычно мрак земли
и гор отроги —
людские страхи приползли
и их пороки.

Стопилась нечисть темноты:
с клыками рожи,
лоснились шеи и хвосты
змеиной кожей.

Полудницы, нетопыри,
хмыри клоаки,
фантомы, ведьмы, упыри
и вурдалаки.

Со смрадным запахом густым,
с лицом поганым
склонилось навье перед ним
и истуканом.

Повёл очами истукан
и дланью чёрной.
Молочный плотный пал туман
на край озёрный.

«Карай!» — вскричал пастух. Приказ
исполнил идол.
Метнулись молнии из глаз,
огнём болидов!

Слились в одно: и страх, и гнев,
и вой уродов!
Листва посыпалась с дерев
и встали воды.

Сгорело навье — прах и дым!..
Под лязг железный
пред истуканом грозовым
разверзлась бездна.

И камнем канул идол в ней..
Земля сомкнулась.
В лесу заплакал соловей,
вода очнулась.

Роса упала. У цветов
закрылись очи.
Туман струился вдоль кустов
рекой молочной...

Взял под уздцы пастух коня,
траву кольша,
перелистнул страницу дня
и к людям вышел.

3

...в переплетениях ветвей,
лучей и свиста
томился зноем соловей
в укромных листьях.

И аромата ореол
млел над сиренью.
В церквушку местную побрёл
пастух смиренный.

Смотрел на мир, вдыхая зной,
он с чувством новым.
Былое стало за спиной
Начальным словом.

Над головою пел и цвёл
высокий полдень.

И грешный автор следом брёл,
сомнений полный.

А миром правил ясный день,
смеялось солнце!

Плыла на облаке бабень,
луца подсолнух...